

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

От политики к социальной революции

Вик Дэвид

Вик Дэвид
От политики к социальной революции
1954

Скопировано 19,10,2024 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=3310>

Перевод с английского: [https://theanarchistlibrary.org/library/
david-wieck-from-politics-to-social-revolution](https://theanarchistlibrary.org/library/david-wieck-from-politics-to-social-revolution)

ru.anarchistlibraries.net

1954

Оглавление

Воинственный пацифизм	5
Третий лагерь и демократические иллюзии . . .	9
Социальная революция	12

В такие реакционные времена, как наше, программа действий, а особенно цели действий, фантастически несопоставимы с переполненной происшествиями Истории, когда на Тихий океан обрушивается страшный огонь, а маленькая глупость в Вашингтоне, Москве или Тегеране может оставить нашу землю в руинах. Нужно замечать эту диспропорцию, но не впадать от неё в апатию и не соблазняться ею на «безумный реализм». Необходимо спокойно идти вперёд.

должны указать, что мы имеем в виду, поскольку любой дурак может увидеть, что индивид слаб и бессилён.

Человек силён, когда он свободен, и ещё более силён, когда он не один; но он слаб, когда находится в массе.

Без идеи свободного человека анархистская идея разбивается о землю: ведь без него будущее общество не может существовать или питать свои зачатки. Это человек, который мыслит, который действует сам, который отвечает за свои поступки, который иницирует и изобретает. Только он обладает потенциалом сотрудничества, сообщества. Он не «создан» демагогической пропагандой, он не действует по сиюминутному «интересу». Он живёт сегодня так, как если бы он находился в разумном обществе — насколько это возможно — и, действуя во имя общественного блага, он не перестаёт действовать, чтобы реализовать себя.

Без идеи свободного человека анархистская идея терпит крах. Но эта идея также свойственна анархизму: ведь человек не рассматривается как часть армии, которая движется против валов капитализма. Он также не рассматривается как человек, проводящий своё время в неповиновении и сопротивлении государству. Как же тогда быть с «противостоянием войне» и «противостоянием репрессиям», с актами гражданского неповиновения? Можно ли предположить, что эти люди не могут собраться вместе, чтобы устроить публичный протест? Если они не могут, может быть, что-то не так с конкретной акцией? Можно ли предположить, что такой человек подпишет присягу верности? Или что он станет информатором? (Хотя он может предпочесть оставить свой адрес при себе, хотя он может предпочесть сопротивляться войне по-своему, хотя он может считать, что есть время «не лезть под колёса», а есть время не сходить с пути, и все это на его собственных условиях).

Прошло уже почти десять лет после окончания войны, и ничто в этой атмосфере — давайте будем откровенны — не даёт даже скромной надежды или удовлетворения людям, желающим мира, экономической справедливости и свободы. Наше социальное состояние требует радикальных шагов, использования наших высших сил, непросчитанного риска — чтобы понять это, достаточно взглянуть на наш мир перманентной войны, столкновения государств-империй, бюрократических правительств и бизнеса, нынешней инквизиции. История, слепой импульс слепого прошлого, не спасает нас; даже в тех редких случаях, когда удаётся предпринять разумные действия в отношении великих национальных вопросов, вряд ли можно питать иллюзии, что наилучший исход разумно приблизит нас к хорошему обществу; рабочее движение не возрождается, а народ не слышит призывов подняться и изменить все это. Нужно придумать что-то другое, а радикалы в целом не слишком изобретательны.

Теперь придумать «что-то ещё, что нужно сделать» совсем не просто — особенно если не указывать кому-то другому, что именно нужно придумать! Однако можно дать приблизительное описание того, что нужно. Это тем более необходимо сделать, что, по общему мнению, нам нужны «новые направления». А бывает, что нужные направления на самом деле очень старые, почти очевидные, но так тщательно игнорируемые! А поэтому и говорить о них не возбраняется.

Воинственный пацифизм

Единственным ярким новшеством на американской радикальной сцене стала кампания гражданского неповиновения, которую вели воинствующие пацифисты, вдох-

новлённые непосредственно Ганди и, опосредованно, Торо. Я хочу немного рассказать об этом движении — чтобы воздать ему должную хвалу и использовать его недостатки, чтобы показать важнейшие забытые направления в мышлении американских радикалов.

Сегодня, 15-го марта, почта принесла сообщение о том, что 43 человека отказались платить подоходный налог в этом году. За последние несколько лет несколько человек были заключены в тюрьму за сопротивление призыву; до тех пор, пока её не заставили замолчать правительственные правила почтовых отделений, газета «Альтернатива» вела активную агитацию в этом направлении, как и некоторое время «Католический рабочий». Недавно многие из тех же людей, большинство из которых связаны с движением «Миротворцев», выступили с заявлением об отказе от сотрудничества с инквизицией Конгресса и подтвердили намерение пользоваться свободой слова.

По причинам, к которым мы вернёмся позже, анархисты критиковали эту программу, без сомнения, неоправданно жёстко. Из всех радикальных движений пацифизм — самое слабое в теоретическом плане, это подсадная утка. Но факт остаётся фактом: эти люди, жертвуя собой или, по крайней мере, рискуя, сделали символический жест протеста. Не все остальные сделали что-то подобное, и их «пропаганда действием» достойна восхищения, заслуживает почёта.

Но Воинствующий пацифизм не является общим методом социального действия, и его главная ошибка как раз в том, что он не видит этого. Это техника. Это то, что приходится делать некоторым людям в силу своей честности. Это практическое оружие, имеющее определённое значение. Но как очевидный факт, это не метод изменения общества.

продуктов. Возрождение инстинкта ремесла, мастерства и качества.

Политика. Объединение либертариюв в тесные группы лицом к лицу, тёплые сообщества свободных людей, которые демонстрируют свободу и укрепляются ею.

Община. Создание небольших сообществ — в частности, сообществ, которые не изолируют себя от мира и вовлекают окружающую их область в их образ жизни.

Образование. Создание небольших школ и колледжей, воспитывающих индивидуальность, мышление, творческую активность. Или жизненная активность одного учителя, который вводит в обычную школу то, что там не должно было быть. Или ещё более радикальные эксперименты в рамках либертарного сообщества.

Семья. Практика свободы и ответственности между мужчиной и женщиной, исключение закона и общепринятой морали из частных отношений людей; предоставление детям права и возможности индивидуальности и творческого отношения к окружающей среде.

Искусство и наука. Возрождение искренности в искусстве и отказ от стандартов коммерции и успеха. Отказ учёных работать в рамках спонсорства правительства и корпораций — не говоря уже о проектах, связанных с войной, — и поиск новых путей для продолжения своей работы.

В этих же рамках мы можем начать представлять себе как характер общей социальной трансформации, так и жизненно важные области, в которых мы можем работать уже сегодня. Правда в том, что очень немногие делают это. Но правда и то, что очень немногие радикалы и революционеры поняли анархистскую идею социальных изменений, и все же мы наблюдаем, как энергия вливается в политизирующие движения.

В основе всего предыдущего лежит предположение, что индивид могущественен. Мы сравниваем его с массой. Мы

ная государственная революция, хотя и полна «критики» 1917-го года, грозит умножить силу и угрозу государства. Существующее общество больше не является другом революции, оно — тело, на котором революционное государство должно произвести свою операцию.

Государственное насилие, как бы оно ни было рационализировано, не может излечить болезнь общества; робкий правительственный подход не может изменить общество, а смелый — равносителен большевизму. Революция — это негативный урок — должна быть абсолютно способна упразднить правительство, к этому институту нельзя относиться терпимо, он играет слишком опасную роль, чтобы допускать двусмысленность.

Но если будущего общества не существует — и если правительство не может его законодательно утвердить, — то социальная революция должна начаться уже сейчас, мы должны начать создавать условия свободы. Эта социальная революция заключается в нынешних актах освобождения, в нынешнем освобождении и возрождении жизненной силы, которые могут начать — сегодня мы едва можем начать! — готовить наше общество к революции.

Это счастье, что человек силён!

Социальная революция должна начаться сейчас. Вряд ли можно найти более лёгкую фразу, идею, которую труднее выразить конкретно, идею, которую труднее осуществить, или область действий, более важную для революционной программы.

Давайте укажем направления деятельности (примеры не являются исчерпывающими): Экономика. Создание прямой солидарности на рабочем месте — что означает признание того, что нынешнее рабочее движение — это не социальность в действии; это означает практику взаимопомощи и равенства. Создание рабочих кооперативов. Отказ от унижительного труда и его

История гражданского неповиновения наглядно иллюстрирует нашу мысль. Торо протестовал против конкретного закона, «Закона о беглых рабах», закона, который всеобщее неповиновение могло бы вывести из строя без лишних слов. В более широком смысле он рассматривал гражданское неповиновение как способ для граждан проявлять постоянную бдительность и личную ответственность по отношению к закону и правительству. Но предположим, что правительство в основе своей не является разумным, что оно было создано путём лоскутного исправления зла меньшим злом — что это будет за образ жизни, при котором сознательные граждане большую часть времени проводят в тюрьме? (Легко сказать, что в некоторых обществах свободный человек «должен» сидеть в тюрьме; но кроме как в качестве революционного лозунга это очень неприятное предположение). Или предположим, что зло — в нашем случае войны, армии и прочее — не глупый нарост на здоровом социальном теле, а часть самой ткани общества — как правительство может от него отказаться и исправить ситуацию?

Вот почему необходима социальная революция, и почему энергия должна быть направлена не на влияние на правительство, а на изменение всей системы.

Масштаб проблемы, для решения которой в Индии применялось гражданское неповиновение, также был очень узким, что заслонялось размерами страны. Вопрос заключался лишь в том, каким будет правительство Индии — британским или индийским? Экономические, коммунальные и прочие отношения оставались прежними, британским правителям оставалось только устать от нападков и позора и, наконец, придумать достаточно изящный способ уйти. (Кстати, возможно, именно то, что гандианство разделило друг от друга вопросы независимости и социальные вопросы, обернулось его неудачей).

Наша проблема в Америке, повторюсь, заключается в социальной революции. «Войны прекратятся, когда люди откажутся воевать» — только если они перестроят общество таким образом, чтобы устранить тягу к войне, необходимость в ней.

Есть два способа, всего два, представить себе социальную революцию, решить проблему, которую пацифизм пытается игнорировать. Один — с помощью правительства: социалистический; и другой — вне правительства, отменив его: анархический. Или, возможно, более осмысленно: в социалистическом случае революционеры получают политическую власть, управляют и координируют общественные изменения с вершин власти. В анархистском случае правительство рассматривается как по своей природе препятствующее, угнетающее и несозидательное, революция осуществляется путём экономической экспроприации и реорганизации, путём формирования независимых коммунальных организаций, путём создания нового образа жизни в образовании, криминологии и прочем; государство не «отмирает», и даже не «свергается», оно умирает на месте.

В любом случае гражданское неповиновение может сыграть определённую роль, а в случае анархистов именно гражданское неповиновение — или, если описать его более точно, полное игнорирование — упраздняет правительство. Но то, что делается по отношению к правительству, не имеет значения, кроме его влияния на все общество.

Минутное размышление покажет, что проблема не является футуристической. Если будет использован социалистический метод государственного управления — а мы надеемся, что это не так, — то идеологическая и тактическая подготовка должна начаться уже сейчас. Если анархистский метод, то социальная революция должна начаться уже сейчас (о том, как именно, мы поговорим позже).

Мы можем исходить из двух утверждений: (1) Человек могущественен. (2) Будущее общество ещё не существует и не может быть навязано силой.

Сначала о втором. Анархисты и революционные социалисты 19-го века сходились на том, что будущее общество уже существовало: нужно было только очистить и разогнать класс правителей, собственников и священников, свести на нет правительство — даже марксизм теоретизировал об этом — и революция была совершена. Революционеры стремились подтолкнуть людей к сопротивлению и восстанию, они стремились высвободить скрытую, подавленную — но подавленную не в психологическом смысле — солидарность.

Сейчас дело обстоит так: массы раздроблены, десолидаризированы; государственное вмешательство, политическая и экономическая бюрократия глубоко вовлечены в повседневную жизнь, они ведут войны и проводят стимулирующую экономическую политику; первичное сообщество, бывшее основой здоровья, исчезло, инстинкты сотрудничества едва заметны. Будущее общество ещё не существует — и то, как встретить этот новый факт, имеет решающее значение.

Революционные социалисты пытаются соответствовать новой ситуации, навязывая будущее общество с помощью манипулятивных авангардистских движений. Что бы они ни теоретизировали о диктатуре партии, они создают вариации на единственную тему большевистской революции, а не Парижской коммуны или 1848-го года. (Мы не имеем в виду тех консервативных социалистов, которые просто хотят расширить «социализирующие» тенденции капитализма при помощи лейборизма).

Но если социализм 19-го века, настаивая на сохранении государства на ограниченное время, тем самым автоматически тормозил революционное творчество, то современ-

— то анархисты, где анархисты пробовали это делать, как и все остальные. Таким образом, выбор стоит между тем, чтобы сделать нашу революционную политику деятельностью отдельных людей и групп, объединяющихся в более широкие группы для достижения конкретных целей; или мобилизацией массового движения, которое, даже если оно не будет успешным, примет организационный тон общества в целом.

Во втором случае искренние радикалы могут, скорее слишком поздно, очутиться в либертарианской революции против правительства микрокосмического сообщества, которое должно было стать инструментом освобождения.

Идти по анархистскому пути — значит отказаться от многих романтических образов масс, всеобщих забастовок и революций. Но это также означает создать нечто, что на самом деле стремится к достижению тех же самых хороших конечных целей, — неромантическую революцию. Любому ясно, что люди, которые становятся овцами, когда у них есть пастух, без него скорее будут вести себя как заблудшие овцы, чем как изобретательные люди. Однако именно в движении освобождения, если оно вообще имеет место, рождается этика и динамика будущего общества, а мужчины и женщины могут начать реализовывать свои способности.

Социальная революция

Стоя на крайней вершине идеализма, анархисты имеют все инструменты для того, чтобы разорвать всех на куски. И это вызывает справедливое раздражение, если анархисты не могут идти дальше или отказываются идти дальше.

Движение, отвергающее эти вопросы, может быть очень ценным «возмутителем спокойствия» — в возмутителях спокойствия есть потребность — но не «миротворцем».

Можно провести очень интересную параллель с «чистым» синдикализмом, который тоже пытался быть вещью, достаточной самой по себе, ни социалистической, ни анархической, и зашёл в тупик только тогда, когда стал придатком социалистических партий или довольно запутанным соратником анархизма. Есть и другая аналогия, которая, однако, ещё более поразительна. В 19-м веке, постепенно угасая с тех пор, в некоторых кругах, в том числе и в анархистских, существовала ретроспективно очень наивная вера в насилие как таковое — в магию спорадических актов насилия, завершающихся баррикадами. (Был даже философ перманентного насилия, Сорель.) Наши «ненасильственные» друзья действительно вывернули этот миф наизнанку — как будто пролитие крови было его уникальным просчётом. Если бы всё было так просто и в этом было бы виновато только насилие! Но революция — это позитивная вещь, это гораздо больше, чем насилие или ненасилие. Гражданское неповиновение может быть мощной пропагандой дела и мощным специфическим оружием, но не более того.

Третий лагерь и демократические иллюзии

Недостаточность гражданского неповиновения не устраняется — скорее наоборот — путём оживления древней радикальной иллюзии оборонительного единого фронта. В этом случае объединённый фронт — Третий лагерь — подходит к проблеме социальной революции, выступает за хорошее общество и продолжает утверждать

свой компромиссный характер оборонительного, противостоящего, протестующего движения. Но эти институты и эти войны не исчезают под громким протестом.

За исключением случаев, когда политические элементы берут верх, или когда пацифисты делают анархические выводы, Третий лагерь остаётся перед пацифистской дилеммой, которую он умудрялся усугубить. То, что ценно в Воинствующем пацифизме, его акцент на индивидуальном действии, индивидуальной ответственности и инициативе, возникает из компромисса как точка зрения фракции, а не как характеристика движения. Интерес и энергия неизбежно переносятся на гипотетическое массовое движение — которое, к несчастью, не существует, для него не подготовлена почва и не предприняты шаги по подготовке почвы.

Но гипотетический характер массового движения не спасает объединённый фронт от последствий массовых движений. В ежедневном освободительном движении также есть социалистический путь и анархический путь — путь демократии и путь свободы. Создание единой третьей силы давления делает выбор в пользу демократии и игнорирует вековую историю.

Столетие истории! Рабочих профсоюзов, превратившихся в бюрократии и диктатуры, революционных политических партий, ставших тем же самым в ещё более ужасных масштабах. В Америке у нас было полтора столетия опыта демократии, в каждом типе организации — от правительства до местного профсоюза, ложи и партии. И все же сохраняется иллюзия, что члены организации могут контролировать централизованную деятельность организации путём голосования, посещения собраний и т.д. Почти любая из этих организаций, если она существует более нескольких месяцев, может быть взята в качестве модели деградации демократии. Это урок, который каж-

дый может проверить на собственном опыте, и первый урок, который должен усвоить радикал двадцатого века: цвет каждой организации определяется в конечном счёте тем, кто принимает решения, и очень мало тем, кто голосует за тех, кто принимает решения, или кто голосует за ратификацию их решений на заранее подготовленных конвенциях.

К сожалению, анархистская оценка проблемы организации не понята и часто высмеивается. Организация сама по себе не является злом: зло — это власть, а средство от зла власти — это не полшага демократии, а целый шаг свободы. «Лекарство от бед демократии — больше демократии» — это почти правда: но конституционные гарантии обходятся, бесполезное членство засыпает, и ничего не меняется. Если говорить об абстрактном слове в контексте, то свобода означает индивидуальную ответственность и инициативу, групповое обсуждение и принятие решений, а также делегирование только специфических, особенно механических, функций, которые не могут быть выполнены отдельными людьми и группами лицом к лицу. Следствием этого принципа является то, что от цели, достижимой только с помощью централизованной организации, лишаящей свободы, следует отказаться до тех пор, пока не будет найден новый способ.

По мере того как ответственность, инициатива и сильные первичные группы становятся все более распространёнными, становится возможной более сложная организация: и, в конце концов, свободное общество. Но у нас нет таких людей для работы, и мы сами не такие люди.

Кто объединит силу давления единого фронта? Кто будет принимать решения? Писать программы? Чеканить лозунги? Если не руководящие кадры, которые проводили эту линию на каждой политической конференции и в каждом политическом движении прошлого и настоящего